

УДК 82.091

Тырина Екатерина Романовна
аспирант. Московский городской
педагогический университет,
преподаватель английского языка.
Г. Москва, школа № 1631

anidnalra@rambler.ru

Ekaterina R. Tyrina
graduate student. Moscow city pedagogical
university, teacher of English.
city of Moscow of school No. 1631

anidnalra@rambler.ru

Б. Филиппов – исследователь творчества Н. Клюева

B. Filippov as a researcher of N. Kluev's creation

***Аннотация.** В статье рассмотрены причины и особенности издания сочинений русского поэта, не признанного в советское время – Н. Клюева. Литераторы – представители русского зарубежья, противопоставив русских поэтов советской идеологии и политике в области культуры, собирали, комментировали и издавали произведения опальных поэтов. Особую роль в популяризации русской поэзии сыграли Г. Струве и Б. Филиппов. В статье выделена деятельность Б. А. Филиппова, собравшего и опубликовавшего на научной основе сочинения Н. Клюева в 1969 г., в то время как в России они появились лишь в 1977 г. после смерти поэта. Издание Б. А. Филиппова можно рассматривать как научное издание, а авторам удалось представить читателям Н. Клюева как национального русского поэта.*

***Ключевые слова:** Б. Филиппов, Б. Филистинский, Г. Струве, Н. Клюев, русское зарубежье, запрещенные поэты, популяризация русской литературы, собрание сочинений Н. Клюева.*

***Annotation.** The reasons and special features of the edition of Russian poet, who was not accepted to be published in Soviet time – N. Kluev, were examined in this article. The writers, who was the representatives of the Russian diaspora, contraposed such Russian poets to the Soviet ideology and cultural policy, collected, commented and published the works of disgraced poets. A special role in the popularization of Russian poetry played G. Struve and B. Filippov. In this article the work of B. A. Filippov was devoted, who has collected and published in 1969 the collected works of N. Kluev on the scientific basis. But in Russia poet's works were published only in 1977 when the poet was already dead. B. Filippov's edition can be considered as a scientific edition, and the authors have presented N. Kluev as a national Russian poet.*

Keywords: B. Filippov, B. Filistinskiy, G. Struve, N. Kluev, Russian diaspora, disgraced poets, popularization of Russian literature, the collected works of N. Kluev.

Первые произведения Н. Клюева были напечатаны в 1904 г. Спустя семь лет вышел первый сборник «поэта из народа», которого оценили многие известные поэты (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, А. Блок). Так, Гумилев отозвался о книге «Сосен перезвон» (1911), подаренной ему почти не печатавшимся Клюевым: «Мы встречаемся с уже совершенно окрепшим поэтом, продолжателем традиций пушкинского периода. Его стих полновзвучен, ясен и насыщен содержанием... В творчестве Клюева намечается возможность поистине большого эпоса» [7, с.330].

Произведения Н. Клюева печатались в России в период с 1912 г. по 1928 г. Последним его сборником стихов стала книга «Изба и поле» (Изба и поле. Избранные стихотворения. Л.: Прибой, 1928. 107 с.). Перелом произошел в связи с поэмой «Погорельщина» (1926), которую поэт называл главной причиной ссылки в 1934 г. и за которую поэт был арестован по обвинению в «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений» [6, с.264-281]. С тех пор в России Клюева не печатали почти пятьдесят лет. Несмотря на то, что после смерти Н. Клюев был реабилитирован (1957 г.), его произведения увидели свет на родине только в 1977 г., когда была издана книга «Николай Клюев» (Библиотека поэта. Малая серия. Л.: Советский писатель, 1977).

В военные и послевоенные годы культурная политика СССР была жесткой по отношению к печатным изданиям, так как литература, рассматриваемая как «часть общепартийного дела» (В.И. Ленин), должна была соответствовать официальной идеологии. Несовпадение же точки зрения литератора с официальной рассматривалось как проявление враждебности не только к государству, но и к народу в целом. Творения многих русских поэтов и писателей первой половины XX в. из-за этого уходили «в тень», оставались неизданными, в некоторых случаях публиковались за пределами России.

Не менее сложно складывалась творческая судьба писателей русского зарубежья, условия функционирования произведений которых по различным причинам (в частности, узкого круга читателей, финансовых трудностей и т.д.) были далеки от идеальных. Многие писатели и поэты занимались литературной критикой, издательским делом. Так, например, в США группа ученых-эмигрантов повлияла на развитие русской славистики и литературы: «они способствовали появлению новых изданий и переводов, писали к ним предисловия и создавали справочный аппарат» [2, с.612].

Общим для литературного процесса в России и за рубежом была повышенная идеологизированность и причастность к политике какого бы то ни было направления – советского или антисоветского. Это объяснялось субъективными и объективными причинами, которые в наши дни (т.е. в исторической перспективе) совершенно очевидны. Да и вряд ли возможна

беспристрастность в таких вопросах. Политизированность литературы данного периода проявилась, в частности, в том, что литераторы, которые преследовались в СССР и чьи произведения замалчивались официальной критикой, а в большинстве случаев вовсе не издавались, в литературной среде русского зарубежья становились популярны.

Этим отчасти объясняется и интерес, проявленный к произведениям Клюева. В 1969 г. были опубликованы сочинения Н. Клюева под общей редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова в издательстве «А. Neimanis». Данное издание интересно и важно, потому что его можно рассматривать как первое научное издание. Значительная часть текстологической работы была проделана Б. Филипповым (Филистинским), подготовившим тексты, комментарии, а также свод вариантов и разночтений.

Для Филиппова эта работа не была случайной: в 1943 г. он уже писал о Н. Клюеве как наиболее ярком примере политических преследований в статье «Поэты – жертвы большевизма. Николай Клюев», опубликованной в газете «За Родину» (Псков, 1943). Наряду с другими поэтами Б. Филиппов говорит о Н. Клюеве, как о представителе поэтов, «умученных советской системой» [5:2]. В этой же статье Б. Филиппов сообщает: «...в 1924 или 1925 году в ленинградском журнале “Звезда” была напечатана последняя увидевшая свет поэма Клюева “Деревня”, в которой говорилось прямо и откровенно, что “выметет мужик бороною” новое (и горшее старого) татарское иго, осквернившее мощи, нарушившее весь уклад сельской жизни исконной Руси и вконец разорившее мужиков. Редактор журнала был снят; о Клюеве начато дело в НКВД; газеты закричали о кулацком поэте-контрреволюционере... Последние годы своей жизни в Ленинграде Клюев буквально побирался, кое-как существуя на нерегулярные жалкие подачки друзей и знакомых. Наконец, около 1934 года ссылка в северную Сибирь, в Нарымский край, – и смерть от холода и голода большого поэта и патриота» [5, с.2].

Учитывая данные, установленные советскими исследователями, уточним, что поэма «Деревня» была опубликована в 1927 г., в последние годы поэт жил в Москве, где и был арестован (за антисоветскую агитацию). Только в 1989 г. стало известно о конце поэта: «5 июля 1937 г. его, уже завершающего срок ссылки, вторично арестовывают как активного, «близко стоящего к руководству» участника «монархо-кадетской» повстанческой организации «Союз спасения России» (никогда не существовавшей); приговоренный к высшей мере «социальной защиты», был расстрелян в один из трех дней – 23-25 октября 1937 г.» [4, с.633]. Несмотря на некоторые фактические неточности (обусловленные ситуацией), в статье совершенно верно оценено творчество Н. Клюева как «большого поэта и патриота».

Точка зрения Филиппова на личность и творчество Клюева важна тем, что это мнение современника поэта, лично его знавшего. Известно, что Клюев, разойдясь во взглядах на поэзию с участниками «Цеха поэтов», в 1915 г. примкнул к группе «Краса», объединявшей «крестьянских поэтов»:

С. М. Городецкого, А. М. Ремизова и С. А. Есенина, который даже считал Клюева своим учителем, несмотря на сложные личные отношения. Простым крестьянином-селянином он себя позиционировал и в повседневности. Интересны воспоминания Филиппова, записанные журналистом Дж. Глэдом (1990 г.): «Клюева я встречал. Он производил двойное впечатление. Сначала он казался, конечно, актером. И актерство в нем было. ...Его комната действительно была как бы отделана бревнами – изба. С огромным иконостасом. Стоял большой некрашенный стол, на нем книги на трех языках. Произношение у него было такое, что ни француз, ни немец понять не мог, конечно. Но он немножко знал итальянский, а по-немецки и по-французски читал свободно. А говорил ужасно. Но, во всяком случае, он во всем был своеобразен... Он напевал, не так, как Бродский, но напевал. Хорошо читал Клюев. Он читал окая, но читал необычайно ясно, без излишнего драматизма, но чрезвычайно характерно, по-народному. Это был напев, вернее, попевка - мелодический речитатив, но не пение ариозное» [1, с.69].

Не удивительно поэтому, что именно Филиппов подготовил «Полное собрание сочинений» Клюева, выпущенное в 1954 г. в издательстве имени Чехова, в Нью-Йорке. Во вступительной статье редактор (Филиппов), правда, отмечал, что собрание можно считать полным только условно, - на фоне других, менее академичных. Поэтому предпринятое через пятнадцать лет собрание произведений Клюева, если и не стало исчерпывающим, то явилось более подготовленным. Как писал Филиппов, новое «собрание произведений поэта возросло, по сравнению с “полным собранием сочинений”, почти в полтора раза. За пятнадцать лет, прошедших со времени выхода чеховского издания, возросло и количество книг, статей, заметок о Клюеве. Библиография публикаций Клюева и литературы о нем также чрезвычайно выросла по сравнению с чеховским изданием. Изменилось многое и в части биографических данных о поэте: опубликован ряд воспоминаний, документов, писем. Все это заставило основательно переработать и дополнить наши “Материалы к биографии” Клюева» [3:5-183].

Во вступительной статье Б. Филиппова «Николай Клюев. Материалы для биографии» [3, с.5-183], в конце которой обозначены две даты: «1953 г. Нью-Йорк» и «1969 г. Вашингтон», обобщен значительный материал. Поэзия Н. Клюева рассматривается как пример истинно русского национального искусства. Б. Филиппов решает общеэстетический вопрос о самобытности искусства, обусловленного близостью к национальным истокам. По его мнению, только истинно национальное ценно и в музыке, и в живописи, и в литературе. Для русского искусства основа – церковные истоки, причем дониконовские, заложенные задолго до церковной реформы XVII в. Европеизированность равна эпигонству и никому не интересна, считает критик: «Трудно представить себе тот сокрушительный вред, какой принесло нашей культуре наше европейское идолопоклонство!», – пишет он во введении к биографии поэта [3, с.116]. Таким образом, отрицается и прогресс Петровских

реформ. Неожиданно, на первый взгляд, но, по сути, вполне закономерно, литератор-эмигрант оказывается славянофилом! При этом, не отрицаются и сходные стадиальные черты в развитии мирового искусства: «общность в истоках, общность даже в разработке отдельных тем не мешает самобытности и органичности национальной культуры» [3, с.117].

В том, что русское искусство утратило, по мнению Б. Филиппова, свое исконное национальное своеобразие, виноваты трагические исторические события: «Революция разгромила и уничтожила ростки литературной культуры как социального явления» [3, с.121]. На этом фоне выделяется творчество Н. Клюева: «Огромное значение Николая Клюева именно в том, что он – мост, соединяющий наше время со стихией огнепального пророка Аввакума. Своёобычная словесная культура потаенных сект и староверчества, прологи и цветники дониконовского письма, радельные песни и Поморские ответы Денисова, старорусская церковная традиция – все это сочеталось в нем с высокой поэтической техникой русского XX века» [3, с.122]. Однако, очевидно из статьи становится, что Клюев – «мост», соединяющий настоящее не только с древностью, но и эмиграцию с родиной: «Мы изгнанники, все дальше и дальше от родной земли нашей. Скоро совсем скроются за холмами даже умопостигаемые очертания ее. И кричит душа наша, как некогда певец Слова о полку: О Русская земля! Уже за шеломянем еси! И нам соприкосновение с глубинной Русью, «Погорельщиной» Клюева, особенно целительно» [3, с.138].

Б. Филиппов рассматривает поэзию Н. Клюева на фоне древнерусских памятников: «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже» из «Книги, глаголемой Летописец» (рукопись конца XVIII в.). Поэзия, «нетленная краса Руси», воспетая Клюевым, вызывает ассоциации со «Словом о погибели земли русской» (неизв. автор 13 в.). Вспоминает автор статьи и «Молитву Феодосия Печерского» [3, с.138], цитирует «Слово о полку Игореве».

Из творчества Н. Клюева выделяется поэма «Погорельщина» – «эпико-трагедийное полотно», сохраненное для русского народа, по словам Филиппова, итальянским профессором, другом Клюева [3, с.137]. Б. Филиппов, ссылаясь на Иванова-Разумника, указывает год написания: «1926-1928 гг., может быть, немного позже, но никак не позже 1929 года, когда уже читалась на дому у многих друзей поэта» [3, с.123]. В первую очередь, привлекает внимание изображение жестокости: «Людоедство, безумие, самосожжения, гибель Сиговца, Великого Сига – и с ним вместе всей пестрядинной, исконной, поддонной Руси» [3, с.129]. «Растлились люди, растлились города. Но нетленна краса самой земли русской» [3, с.123].

Первое зарубежное издание сочинений Клюева включает в себя следующие произведения: «Только во сто лет раз (Присловье к «Медному Китаю»)», «Песни мои Олонецкие журавли (Посвящение Этторе Ло Гатто)», «Песнослов» («Сосен перезвон», «Братские песни», «Лесные были», «Мирские думы», «Песни из Заонежья», «Сердце Единорога», «Долина Единорога», «Красный рык»).

Таким образом, здесь подобраны произведения, отличающиеся острой социальной направленностью, дающие возможность критически интерпретировать события современности. В то же время, научный подход к подготовке текстов, их комментированию является безусловным вкладом в дело сохранения и популяризации литературного наследия.

Литература

1. Глэд Дж. *Беседы в изгнании: русское литературное зарубежье*. М.: Книжная палата, 1991. 320 с.
2. *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*. Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.
3. Клюев Н. *Сочинения*. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т.1. Munchen: A.Neimanis, 1969. 507 с.
4. Михайлов А.И. *Клюев Николай. Русские писатели XX век: Биобиблиографический словарь: В 2 ч. Под ред. Н.Н. Скатова*. М.: Просвещение, 1998. 784 с.
5. Филистинский Б. *Поэты – жертвы большевизма. Николай Клюев. За Родину*. Псков, 1943. 1 июня (№126(221)). 2 с.
6. Шенталинский В. А. *Рабы свободы в литературных архивах КГБ: Бабель. Булгаков. Флоренский. Пильняк. Мандельштам. Клюев. Платонов. Горький*. М.: Парус, Б.г.(1995). 389 с.
7. Шубинский В. *Зодчий. Жизнь Николая Гумилева*. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 736 с.

Literature

1. Filistinskiy B. *Poety – zherty bolshevizma. Nilokay Kluev. Za Rodinu*. Pskov, 1943. 1 June (№126(221)). 2 p.
2. Glad J. *Besedy v izgnanii: russkoe literaturnoe zarubezh'e*. М.: Knizhnaya palata, 1991.
3. *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki: sovetskaya i postpovetskaya epohi*. Pod red. E. Dobrenko, G. Tihanova. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 792 p.
4. Kluev N. *Sochineniya*. Pod red. G.P.Struve i B.A.Filippova. T.1. Munchen: A.Neimanis, 1969. 507 p.
5. Mihailov A.I. *Kluev Nikolay. Russkie pisateli XX vek: Bibliograficheskiy slovar': V 2 ch. Pod red. N.N. Skatova*. М.: Prosveshenie, 1998. 784 p.
6. Shentalinskiy V. A. *Raby svobody v literaturnyx arhivah KGB: Babel'. Bulgakov. Florenskiy. Pil'nyak. Mandel'shtam. Kluev. Platonov. Gor'kiy*. М.: Parus, B.g.(1995). 389 p.
7. Shubinskiy V. *Zodchiy. Zhizn' Nikolaya Gumileva*. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 736 p.